

ИССЛЕДОВАНИЕ, УЧЕТ И ОХРАНА ДРЕВНОСТЕЙ КЫРГЫЗСТАНА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (организационный аспект)

В.А. КОЛЬЧЕНКО

Интерес к древностям Кыргызстана, к его археологическому наследию переживал несколько периодов подъема и, соответственно, упадка. В одной из работ мы предложили различать шесть таких периодов (**Кольченко 2002: 43**). В настоящей публикации речь пойдет о третьем из них, "бернштамовском" (1937-1952 гг.), точнее о первой, предвоенной его части. При этом предметом нашего рассмотрения является организационный аспект исследований. Научный, включающий полевые исследования и сделанные из них выводы, станет предметом отдельного рассмотрения в будущем.

Предшествующий всплеск интереса к древностям Кыргызстана, в раннесоветский период, протекал на фоне оформления кыргызской государственности—первоначально в рамках автономной области, а позднее—автономной республики на первом этапе периода и борьбой за наследие Среднеазиатского региона на заключительном (**Кольченко 2003: 63**). Он закончился резким охлаждением властных структур к вопросу изучения, сохранения и пропаганды древностей. Как следствие—несмотря на ряд частных достижений в научной сфере, в организационно-структурной дело было плачевным и близким к нулевому уровню.

Отправной точкой организационной составляющей на новом витке следует считать создание Комитета Наук при СНК Кирг.ССР. Приобретя по Конституции СССР 1936 года статус Союзной Республики, Кыргызстан приступил к созданию всевозможных структур, в том числе и научных. Комитет Наук стал первой ступенью к созданию Национальной Академии наук. Вопрос о его организации значился § 22 в повестке дня заседания СНК Кирг.ССР от 14 мая 1937 г. На том же заседании Правительства избрали Президиум Комитета наук в составе 10 человек (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 387, Л. 1**). Согласно "Положению о Комитете наук Киргизской ССР" в редакции 1937 года он состоял из шести отделов, в том числе – отдела общественных наук. У последнего было пять подведомственных организаций: Киргизский институт языка и письменности, Государственная публичная библиотека, Киргизская книжная палата, Бюро экономических исследований и Музей краеведения. Среди прав и обязанностей Комитета наук значится: "*ж) организация научных экспедиций и участие в научных экспедициях, проводимых другими организациями на территории Кирг. ССР и за ее пределами*" (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 391, Л. 1-3**)

Летом того же 1937 года под руководством члена Комитета наук, преподавателя кафедры древней и средневековой истории Киргизского Педагогического института (КПИ, позднее КГУ – КГНУ – КНУ) Б.М. Зиммы проводились, – как несколько позднее охарактеризовал их С. Ильясов, – "археологические рекогносцировки" (**Ильясов, 1945: 91**). По результатам этой работы Б.М. Зима 27 сентября 1937 года пишет в Комитет науки письмо, приводимое ниже:

**ИССЛЕДОВАНИЕ, УЧЕТ И ОХРАНА ДРЕВНОСТЕЙ
КЫРГЫЗСТАНА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ
(организационный аспект)**

"В связи с Вашим планом работ по отделу общественных наук на 1938 год является крайне необходимым произвести историко-археологические раскопки в лето 1938 года следующих объектов:

1. Могила Манаса – расположенную в Таласской долине и 2 наиболее старых погребения прилегающего кладбища.*

2. Таш-Рабат – сооружение времени киргизского хана Мухаммед-Али (умер в 1416 г.), расположенное в ущелье Таш-Рабат, в 65 км на юговосток от Ат-Баши.

3. Курган – Керексур (насчитывающий около 3500 лет), расположенный в 30 км на восток от Ат-Баши.

4. Курган и городище – в ущелье Кумыш-Таг (Таласская долина).

Раскопки вышеуказанных объектов возможно произвести при наличии крупного специалиста археологии, а на время раскопок Таш-Рабата необходимо пригласить специалиста по восточной архитектуре.

Для обеспечения экспедиции высококвалифицированными специалистами желательно было бы, если бы Комитет Наук при СНК Кирг. ССР в ближайшее время приступил к переговорам с доктором археологии Массоном и архитектором-востоковедом Умняковым". К письму была приложена смета расходов на сумму 55 662, 5 рубля (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 76, Л. 23-26).

Те же четыре памятника фигурировали и в письме 1937 года в Президиум Академии наук СССР за подписью председателя СНК Кирг. ССР Салихова или зам. председателя СНК Кирг. ССР Ворошилова. Преамбула письма хорошо раскрывает его общую направленность: *"Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) 19 июля 1937 года о мероприятиях по усилению хозяйственного и культурного развития Киргизской ССР предложено Президиуму Академии Наук СССР организовать в 1938 году комплексную экспедицию по изучению полезных ископаемых Киргизской ССР.*

*В соответствии с указанным решением Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР просит Президиум Академии Наук рассмотреть и включить в план работ Академии Наук на 1938 год следующие минимально необходимые научно-исследовательские работы: ..."*и далее по четырем направлениям перечислялись конкретные предложения. В Архиве НАН КР сохранилось несколько предварительных вариантов этого письма (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 395, Л. 1-5, 13-20; Д. 395, Л. 27-28). К сожалению, они не имеют точных дат. Но во всех случаях археология проходит последним, четвертым направлением и фактически без текстуальных изменений. Лишь в наиболее раннюю версию от 16.09.1937 г., – единственную, содержащую точную дату, – включен абзац с предложениями по персональному составу археологов для двух отрядов – по Таласу и в Ат-Башинском районе: Массон, Умняков, Шишкин (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 395, Л. 28). По всей видимости, это письмо в отношении археологии не достигло цели, так как позднее переговоры велись с Институтом истории материальной культуры им. Марра.

В архиве НАН КР сохранилось еще одно письмо на интересующую нас тему – из Казахстанского филиала АН СССР от 10.04.1938 г. в Комитет науки при СНК Кирг. ССР:

* Здесь и далее сохраняется написание архивного документа

"Каз. Филиал Академии Наук СССР в своем письме от 7-го февраля с/г. за № 120-и просил Вас сообщить, не будет ли возможным организовать по Вашей смете археологическое изучение памятников старины верхнего течения р. Талас, но до сих пор ответа не получил.

К 1-му июня посылаем экспедицию из работников Филиала и Ин-та Истории материальной культуры АН СССР в г. Мирзоян (Южный Казахстан) для рекогносцировочных археологических работ на территории древнего г. Тараз, каковая будет работать до 1-го сентября с.г.

Просьба в интересах археологического обследования всей долины р. Таласа сообщить Ваши соображения по этому поводу.

Ученый секретарь <подпись> Л.П. Мамет

Археолог <подпись> Б.Н. Дублицкий" (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 1).

Перипетии дальнейшей переписки по имеющимся в нашем распоряжении документам не прослеживаются. Можно лишь констатировать, что 23 июля 1938 года состоялось заседание Комитета Наук, на котором присутствовало 10 человек. В повестке дня стоял лишь один вопрос: "Программа Археологической Экспедиции". Докладчиком по нему выступал "Представитель Археологической Экспедиции т. Бернштам". Протокол заседания зафиксировал внимание И. Батманова, В.Т. Каверина и Ю. Абдрахманова, выступивших в прениях по докладу, к вопросу археологического исследования памятников, связанных с именем Манаса, и некоторые сомнения по поводу даты начала работ – 1 сентября. Как итог – в постановляющей части записано:

"1) Представленный текст договора и программу исследований в пределах Таласской долины и на участке Красная речка – Бураны (Чуйская долины) одобрить.

2) В программу работ включить следующий пункт: Археологическая экспедиция исследует археологические памятники, связанные с эпохой Манаса, по указанию Представителя Комитета Наук при СНК Кир. ССР, лежащие в пределах маршрута экспедиции" (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 6-7).

Тем же 23 июля 1938 года датировано Соглашение, подписанное Ученым секретарем Комитета Наук при СНК Кир.ССР В.Т. Кавериным и от имени Директора ИИМК И.А. Орбели А.Н. Бернштамом. Оно было "утверждено" 2 сентября 1938 г. заместителем председателя СНК Кир.ССР И. Ребровым. Согласно этому документу "начальником экспедиции назначается профессор Александр Юрьевич Якубовский". Финансирование работ предполагалось паритетное – по 10 000 рублей от каждой стороны. Экспедиция должна была приступить к работе не позже 1 сентября 1938 г., а к 1 декабря от Начальника экспедиции Комитет Наук должен был получить предварительный отчет. В тексте Соглашения значилось, что "Институт берет на себя камеральную обработку материалов и подготовку к печати полного научного отчета экспедиции. Сдача рукописи отчета в печать 1 мая 1939 г. ... По окончании камеральной обработки археологические коллекции с соответствующими музейным этикетажом передаются в распоряжение Центрального Краеведческого Музея Киргизии в г. Фрунзе. Рукописный, чертежный материал, фотонегативы хранятся в Институте Истории Материальной Культуры, копии чертежей и фотографии передаются в Центральный Краеведческий Музей Киргизии в г. Фрунзе" (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 12-13).

Примечательно, что непосредственное участие в работах "Начальника экспедиции" А.Ю. Якубовского не предусматривалось. Это видно из "Сметы

**ИССЛЕДОВАНИЕ, УЧЕТ И ОХРАНА ДРЕВНОСТЕЙ
КЫРГЫЗСТАНА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ
(организационный аспект)**

расходов Киргизской археологической экспедиции", являвшейся "неотъемлемой частью соглашения", в которой поименно перечислены сотрудники, для которых предусмотрены зарплата и транспортные расходы: "Зам. н-ка А.Н. Бернштам ..., Ст.н.с. А.М. Беленицкий ..., Н.с. Л.Г. Розина ..., Н.с. Н.Н. Кипарисова ..." (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 16**).

Таким образом, не умаляя заслуг А.Н. Бернштама в организации планомерного археологического изучения Кыргызстана, следует подчеркнуть инициативы, исходящие от кыргызстанских лиц и организаций. При этом они ориентировались на иные персоналии.

1 сентября 1938 г. были выданы Удостоверения сотрудников Киргизской археологической экспедиции: А.Н. Бернштаму, как зам. начальника экспедиции – с угловым штампом СНК и подписью Зам. председателя СНК Кир.ССР И. Реброва, исх.№ 6319; Л.Г. Розиной, Н.Н. Кипарисовой и А.М. Беленицкому – с угловым штампом Комитета Наук при СНК Кир.ССР с подписью Ученого секретаря Комитета Наук В.Т. Каверина, исх.№№ 252-254 соответственно (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 17-20**). Однако лишь 10 дней спустя, получив в СНК Кир.ССР 11 сентября Удостоверение (исх.№ 6609) на экспедицию в целом, в котором указывался поименно научный и научно-технический состав, маршрут следования, перечень мероприятий, которые разрешено выполнять, они отбыли к месту работ и в тот же день прибыли в Таласский район. Помимо четырех вышеназванных участников экспедиции 1938 года в ее состав входили представители Кыргызстана: н.с. Б.М. Зима и Б. Джамгерчинов, аспиранты А. Худайбергенов и Х. Садыков, фотограф Ф.И. Бальдерман и топограф В.А. Шкуренко (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 13**). Работы велись весьма интенсивно: "Работаем насколько хватает сил от 10-14 часов в сутки. Как правило, кончаем работу при фонарях. Встаем к 7, ложимся в 12 – отмечал 20.09.1938 г. А.Н. Бернштам в письме В.Т. Каверину и далее характеризовал кыргызстанских сотрудников, – *Боюсь, что Пединститутские аспиранты не выдержат. Вообще, я от них не в восторге. Мало энтузиазма. Борис Михайлович и Бальдерман прекрасные, заинтересованные в деле работники*" (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 7**).

По окончании полевого сезона 1938 г., уже из Ленинграда, А.Н. Бернштам отправил в адрес Комитета Науки письмо с предложениями по организации охраны памятников и необходимых консервационных работах на осмотренных объектах. Из него становится ясным, что наиболее плачевное состояние было с башней Бурана: "В башне, реставрированной в 1927 г., местное население разбирает цоколь башни, стены все исписаны именами и фамилиями экскурсантов, внутренняя лестница башни разрушена". Далее в этом же письме написано: "В районе Чуйской долины, помимо указанного городища Бурана имеются еще два городища Ак-Пишин у с. Покровка около Токмака и Краснореченское городище у с. Красная Речка. Первое городище хорошей сохранности и в особой охране не нуждается помимо общих мер (охранная доска и напоминание с/с). О Краснореченском городище надо указать особо, ибо жители с. Красная Речка весьма активно занимаются раскопками на городище, чем его сильно портят и разрушают".

Про памятники Таласской долины, нуждающиеся в той или иной степени защиты и охраны, сказано:

"Следует включить в систему охраны по Таласской долине: Ак-Тюбе (Таласский район), Джаман Курган (с. Орловка Ленинпольского района), Чалдыбар

(с/с Чалдывар Ленинполского района) и Садыр курган (Кировского района). На этих городищах установить охранные доски и пояснительные надписи.

Запретить:

1) на городище Ак-Тюбе – разрушение цитадели (наиболее высокой части городища), устройство кладбища для сапных лошадей и самовольную копку городища.

2) На г. Джаман-курган запретить только копку котлованов. Организация токов, покос травы не разрушают городища.

3) На г. Чалдывар прекратить копку ям для могил.

4) Городище Садыр-Курган, весьма выдающийся памятник и прекрасной сохранности надо особо охранять. Весьма желательно прекратить на городище карьер для добычи глины".

Помимо производства консервационных работ и установления охранных досок А.Н. Бернштам предлагал, чтобы Комитет Наук "через Наркомпрос закрепил за указанными памятниками близлежащие школы и директора школ принимали бы находки с городищ, пересылали наиболее ценные в Центр. Музей в г. Фрунзе. ... При наличии такого "опекуна" в виде местного учительства многие памятники старины были бы сохранены" (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 29).

В то время охраной и сохранением памятников культурного наследия, прежде всего археологических, было озабочено и правительство республики. 2 сентября, т.е. когда сотрудники экспедиции 1938 г. находились во Фрунзе, СНК Кир.ССР издал Постановление № 1221. Ниже мы приводим полностью его текст:

**"ОБ ОРГАНИЗАЦИИ КОМИТЕТА
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА КИРГИЗИИ"**

Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР постановляет:

1. Для организации, сохранения и последовательной реставрации памятников старины и искусства, организовать при Комитете Наук Отдел Археологии.

2. При отделе Археологии организовать Комитет по охране памятников старины (и) искусства "Комстариус".

3. Поручить Комитету Науки проведение в 1939 г. полной инвентаризации всех памятников материальной культуры и искусства на территории Киргизии.

4. На основании имеющихся данных экспедиций 1937 г. и 1939 гг. просить Институт Истории Материальной культуры им. академика Марра и Киргизский Пединститут составить монографию с описанием исследованных памятников старины и искусства.

5. Предложить Госплану и Наркомфину предусмотреть в бюджете 1939 года Комитета Наук ассигнование на обследование и ремонт важнейших памятников старины (и) искусства (Манас, Таш-Рабат, Узген, Шах Фазиль и др.)

Председатель Совнаркома

Киргизской ССР: Кулатов

Зам. Управляющего Делами

СНК Кирг.ССР: Державин" (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 8-9).

**ИССЛЕДОВАНИЕ, УЧЕТ И ОХРАНА ДРЕВНОСТЕЙ
КЫРГЫЗСТАНА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ
(организационный аспект)**

Отдел Археологии был, вероятно, создан, но просуществовал не долго и его деятельность в доступных документах фактически не отражена. Лишь в *"Штатном расписании. В связи с реорганизацией Комитета Наук при СНК Кирг.ССР"*, не имеющем даты, встречается косвенное указание: среди научных учреждений Комитета – Института языка и литературы, Музея Краеведения, Книжной палаты, Ботанического сада, Отдела ботаники, Геологического кабинета и минералогического музея, – значится *"Историко-археологический музей – штат бывшего отдела"* (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 391, Л. 13-14). В "Положении Комитета Наук при Совнарком Киргизской ССР" в редакции 1939 года Историко-археологический музей фигурирует в списке вторым и без каких-либо комментариев. К стати заметить, что первым в нем значатся "Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы", т.е. к задачам Института добавлено исследование истории Кыргызстана, что и отражено в названии (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 391, Л. 11-12). За НИИ название сохранится и в "Положении Комитета Наук при Совнарком Киргизской ССР" в редакции 1941 года (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 391, Л. 19). Почти с ним же он войдет в 1943 г. в состав Киргизского Филиала Академии наук СССР. Однако археологическим изучением Институт в рассматриваемый период фактически не занимался.

В определенной мере реализовывались и другие положения Постановления СНК Кир.ССР № 1221 от 2.09.1938 г. Так, о факте создания и деятельности Комстариса свидетельствует краткое письмо *"гр. Олейнику, Максиму Васильевичу, Колхоз Логвиненко, Ворошиловского района"*, отправленное 22.09.1938 г. за подписью "Ученого Секретаря комитета по охране памятников старины и искусства" Эгизова, в котором просится сохранить имеющиеся *"предметы древности до приезда сведующих людей для исследования"* (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 4).

Как явствует из "Карточек по учету памятников старины Киргизии", заполненных в январе 1940 года С. Ильясовым, практически все из учтенных 36 памятников – по 5-7 в каждой области (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 95), – были взяты на учет именно с 1938 г. (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 35-75). Правда, в списке, составленном 23.05.1939 г. С. Эгизовым таковых позиций всего 20. Но следует оговориться, что в ряде случаев под одним номером значится два и более памятников (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 31, 77).

К характеристике деятельности Комстариса имеет непосредственное отношение Приказ № 19 по Комитету Наук при СНК Кир.ССР от 15.04.1939 г., подписанный ученым секретарем Комитета А. Минжилкеевым: *"Ответственного секретаря комитета охраны памятников старины и искусства – Комитета Наук тов. Эгизова и члена Комитета Наук тов. Зимма Б.М. – командировать в гор. Каракол для организации Археолого-исторического исследования озера Иссык-Куль района курорта Койсара и совхоза Тамчи сроком на 10 дней"* (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 20). К сожалению, каких-либо документов по данной поездке и ее итогам мы не знаем, но как факт самостоятельной работы или стремления к таковой он знаменателен.

В июле 1939 г. тот же С. Эгизов был командирован *"в гор. Пржевальск для осмотра состояния и для определения объема реставрационных работ памятника Пржевальского"* (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 22-24). В том же году были выделены средства и проведены работы на памятнике.

Предпринимались попытки организовать реставрационные работы и древних памятников. Так 5 августа 1939 году было отправлено письмо в *"Комитет наук"*

при СНК Уз.ССР. Комстарис. Засыпкину Борису Николаевичу" следующего содержания "Комитетом Наук при СНК Кир.ССР ассигнованы средства на проведение работ по определению объема реставрационных работ памятников старины и искусства (могила Манаса, Бурачинский комплекс памятников, Узгенская крепость, Мазар Шах-Фазир и т.д.). Комитет Наук просит сообщить не можете ли Вы взять на себя проведение вышеуказанных работ, а также сообщить примерный объем ассигнований на это дело ..." (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 25). Впрочем, на сколько мы можем судить, обращение было безрезультатным. Впрочем, возможно именно в связи с этим обращением в Кыргызстане появились копии актов обследования ряда средневековых археолого-архитектурных памятников (РФ ЦМХК НАН КР, Дело 107).

Повышенное внимание властных структур Кыргызстана на рубеже 1930-40-х гг. к истории и археологии отчетливо просматривается в дальнейших реорганизациях Комитета Наук. Так, в конце 1939 года при общей структурной перестройке Комитета в его составе из Отделов общественных наук и археологии создается Исторический отдел, состоящий из трех секций: исторической, археологической и этнографической. Первым руководителем нового отдела был А. Умурзаков. Вскоре его сменил Д. Тилегенов, а того, в свою очередь, – Н.Д. Черкасов.

В "Положении Исторического отдела Комитета Наук при СНК Киргизской ССР", утвержденном в декабре 1939 г., среди задач отметим "б) Охрана и изучение памятников материальной культуры, руководство и организация историко-этнографических музеев, археологических раскопок и исследований на территории Киргизии", а среди "прав и обязанностей" – "б. Историческому отделу предоставляется право входить в договорные соглашения по выполнению отдельных плановых тем с квалифицированными научными работниками Московских, Ленинградских и других институтов – обязательно в каждом случае с внесением этих соглашений на утверждение Президиума Комитета Наук" (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 81, Л. 1-4).

Определенный интерес для выявления социального заказа на развитие знаний о прошлом дают тематические планы Исторического отдела. Первый из них – "По развертыванию исторического отдела" – ставит скромную задачу: к 1.02.1940 г. "окончательно оформить отдел", для чего подобрать и пригласить историка-востоковеда, историка-археолога, ответ.секретаря Комстариса, научного работника по ВУЗам (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 81, Л. 5). Но уже план работы на 1940 год достаточно амбициозен. Именно в нем впервые ставится вопрос о написании и публикации "Истории киргиз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского периода". Его реализация поручается А.Н. Бернштаму. Позднее, в 1942 г., эта работа будет защищена им как докторская диссертация. Среди других подготавливаемых Историческим отделом изданий заявлены "Аннотированная библиография по истории, археологии и этнографии киргиз и Киргизстана", порученная Винбергу и "Альбом памятников старины Киргизии" (автор – Б.М. Зимма). Также в плане работ значатся: инвентаризация "известных памятников"; раскопки Ак-Бешима, Красной речки, могильников и катакомб Чуйской, Кеминской и Таласской долин, разведывательные работы по Таласской долине от с. Буденовка до Сусамыра; организация при Историческом отделе музеев этнографии и археологии. Для реализации последнего положения предлагалось "выделить из Краеведческого музея" этнографический и археологический отделы (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 81, Л. 7-8).

**ИССЛЕДОВАНИЕ, УЧЕТ И ОХРАНА ДРЕВНОСТЕЙ
КЫРГЫЗСТАНА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ
(организационный аспект)**

Возвращаясь к вопросу организации полевых археологических исследований в свете Постановления СНК Кир.ССР № 1221 от 2.09.1938 г., следует указать письмо в ИИМК от 26.06.1939 г. за подписями Зам.председателя СНК Кирг.ССР - Председателя Комитета Наук при СНК В. Гопко и Ученого секретаря Комитета Наук А. Минжилкеева: *"Комитетом Наук при СНК Киргизской ССР на поведение Археологических работ в 1939 году ассигновано 30 тыс. рублей, а именно:*

1. *На инвентаризацию памятников старины и искусства Киргизии.*
2. *На продолжение начатых в 1938 году разведочных работ в районах Таласской и Чуйской долины.*
3. *На определение объема реставрационных работ главнейших памятников старины и искусства. (...)*

На основании вышеизложенного Комитет Наук при Совнарком Киргизской ССР просит Вас взять на себя организацию и руководство этой экспедицией ..." (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 22).

Несколько ранее, в марте 1939 г., Комитет науки получил письмо из ИИМК за подписью "Вр.и.о. Директора Института" М. Артамонова, в котором с одной стороны выражалась *"просьба оказать содействие в скорейшем получении фотографий, которые изготавлиются в фотолаборатории Киргоспединститута фотографом Ф.И. Бальдерманом"*, так как их отсутствие *"грозит срывом изготовления отчета экспедиции (1938 г.) к 1 мая 1939 г."*, и просилось подтвердить получение предварительного отчета, отправленного в феврале месяце, а с другой – выражалась заинтересованность *"в получении сведений о Ваших ассигнованиях на археологические работы в 1939 г."* (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 21).

По всей видимости, можно считать цитированное выше июньское письмо Комитета Наук ответом на мартовский запрос из ИИМК. Нам представляется, что задержка могла быть вызвана структурными и кадровыми изменениями в Комитете. Цена же трехмесячной задержки – отсутствие кыргызстанской стороны среди организаторов и участников исследований Кенкольского могильника в 1939 г. и, тем самым, законность нахождения коллекций 1939 г. из него в Эрмитаже в настоящее время. Но, по всей видимости, сам факт проведения археологических работ на территории Кыргызстана без предварительного согласования с соответствующими местными органами был воспринят болезненно и разбирательства по нему затянулись на значительное время. Даже в конце 1940 г. ИИМК вынужден был официально отчитываться: *"на основании договора ИИМК с Гос. Эрмитажем от 26 мая 1939 г. № 668, т. Бернштам А.Н. провел раскопки кенкольского могильника в верхнем Таласе во второй половине июля 1939 г."* (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 57).

Впрочем, А.Н. Бернштам, будучи заинтересованным в долгосрочных исследованиях на территории Кыргызстана, 3-4 августа 1939 г. прислал предварительный отчет-справку о проделанных работах: *"С 18-31 июля 1939 г. по поручению ИИМК и Эрмитажа были проведены раскопки курганного могильника с катакомбами I-III в.н.э., принадлежащего прежде гуннам. ...В 1939 г. было раскопано 7 курганов, которые дали богатый материал ...Других работ экспедиция Эрмитажа и ИИМК на территории Киргизии в 1939 г. не производила"* (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 23).

Тогда же им были присланы Договор, Смета и Программа работ "Киргизской археологической экспедиции Комитета Наук при СНК Кир.ССР и ИИМК АН СССР" в 1939 г. Согласно этим документам финансирование работ в сумме 25 000

рублей осуществлялось кыргызстанской стороной, а *"ИИМК берет на себя проведение полевых работ в сентябре месяце 1939 года, для чего выделяет: в качестве Начальника экспедиции Бернштама А.Н., сотрудников экспедиции Розину Л.Г., Луппиан М.В., Щербакова И.В."* Договор предусматривал участие студентов ЛГУ Е.И. Агеевой, И.К. Бенедиктова, Г.Л. Михельса, как научно-технических сотрудников (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 24**).

Программа предполагала, что работы охватят Чуйскую долину на участке от Токмака до *"Буамского ущелья с долинами притоков Чу – Большого и Малого Кебина (или Кемина)"*, а также часть Иссык-Куля – до с. Сазоновки по северному побережью, и район Барскаунского ущелья и вдоль дороги на Нарын по южной стороне. При этом подразумевалось, что *"работы 1939 года в Чуйской долине должны решить вопрос о стационарных раскопочных работах 1940 г."* (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 25-26**).

Вскоре документы от кыргызстанской стороной были подписаны Ученым секретарем Комитета Наук А. Минжилкеевым, затем утверждены вышестоящим лицом (должность не указана, а подпись неразборчива), и отправлены А.Н. Бернштаму, как полномочному представителю ИИМК, в Алматы, где он находился в связи с началом работ Южно-Казахстанской экспедиции (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 24**).

Попутно заметим, что в частном письме, присланном с отчетом-справкой по Кенколу и договором на 1939 год, А.Н. Бернштам просил включить его в состав Комитета Наук при СНК Киргизии, что явствует из ответа А. Минжилкиева (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 28**).

Подчеркнем, что археологические работы 1938-1939 гг., за вычетом целенаправленного исследования Кенкола в 1939 г., проводились в течение одного осеннего месяца ежегодно и носили исключительно разведочный характер. Возможно, что первоначально они воспринимались российской стороной как важное, но дополнение к исследованиям в Таразе и Казахстане в целом. Также не исключено, что сентябрь, как время исследования, определялся из-за нерасторопности и неопытности, а также бюрократических проволочек кыргызстанских структур.

Впрочем, кыргызстанская сторона делала определенные выводы и по окончании работ 1939 г., 1 октября, Комитет Наук за подписью своего Ученого секретаря Минжилкеева через А.Н. Бернштама передает официальный запрос в ИИМК: *"...Комитет Наук просит Институт прислать свои соображения по вопросам археологических работ в Киргизии в 1940 г. и указать необходимые для этого ассигнования, для того, чтобы Комитет Наук мог предусмотреть (их) в смете 1940 г."* (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 39**).

Письма с предложениями ИИМК'а нам пока обнаружить не удалось, но, по всей видимости, предлагались обширные работы. Об этом можно судить по приводимому ниже тексту ответной телеграммы от 26 декабря 1939 г. за подписью Ученого секретаря Комитета Наук Малышева: *"Отсутствием ассигнований всех археологических работ принять не можем зпт сороковом году включим раскопки Чуйской долины зпт ущелья Чонкимена зпт Таласа обследуем его Сусамыра зпт телеграфируйте примерную стоимость зпт высылайте программу почтой"* (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 44**).

Подписание нового годового договора на проведение археологических исследований состоялось в конце апреля – начале мая 1940 г. Договор

**ИССЛЕДОВАНИЕ, УЧЕТ И ОХРАНА ДРЕВНОСТЕЙ
КЫРГЫЗСТАНА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ
(организационный аспект)**

предусматривал финансирование всех расходов кыргызстанской стороной в сумме 22 800 рублей. Впервые работы предполагались летом – с 5 июля по 5 сентября 1940 г. (даты незначительно, на 3-5 дней, отличаются в разных местах Договора, Программы и Сметы – К.В.) Для работы экспедиции ИИМК направлял А.Н. Бернштама, Л.Г. Розину, М.В. Луппиан и И.В. Щербакова. От Комитета Наук в состав экспедиции должны были войти Егизов (Эгизов - ? К.В.) и Федоров. Определенный интерес представляют пункты 3 и 4 обязанностей ИИМК:

"3. Представить в Комитет к 1 мая 1941 года полный научный отчет экспедиции в виде монографии на тему "Памятники старины Киргизстана" на основе всех экспедиций, проведенных в 1936-1940 гг. Комитетом Наук совместно с ИИМК.

4. Сдать Комитету к 1 мая 1941 года полные коллекции экспедиции, фотоотпечатки и фотокопии чертежей всех экспедиций. Рукописный материал, подлинники (черновики) чертежей и фотонегативы остаются в Институте". Иными словами на момент подписания договора, несмотря на обязательства по предыдущим соглашениям, археологические материалы оставались в ведении ИИМК. Тем не менее, Договор и прилагаемые документы были подписаны Д. Тилегеновым – Зав. Историческим отделом Комитета наук и по доверенности ИИМК № 38 от 20 апреля 1940 г. А.Н. Бернштамом (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 45-46**).

Программа работ на 1940 г. предусматривала стационарные работы на Красной речке, где, как записано, *"раскапываются старые согдийские поселения III, V вв. н.э. и шахристан города Сарыга VIII-X вв. н.э."*, Ак-Бешиме *"у цитадели по выяснению времени возникновения городища, выявлению древних, согдийских слоев"* и *"на месте предполагаемого дворца каракитайских гурханов (XII в.)"* в "киданьском" квартале, а также на могильниках *"Чон-Кемина и Шамси эпохи тюркского каганата VI-VIII вв. н.э."*. Кроме того планировались *"разведки углубленного типа (с производством частичных вскрытий)".* Место и цель одного из маршрутов таких разведок было означено как *"долина р. Сухулука, с целью углубленного исследования мест обнаружения ... находок эпохи камня и бронзы, с продолжением этого обследования по северным отрогам Киргизского Ала-Тау"* (т.е. места случайного обнаружения I Сукулукского клада эпохи бронзы летом 1938 г. (**Зимма, 1948: 117**)). Второй маршрут должен был явить собой *"окончание разведочного маршрута 1938-1939 гг., продолжив его вдоль берегов Иссык-Куля... Этим самым будет закончена археологическая карта согдийских поселений и мусульманских городов Притяньшанья"* (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 47-48**).

В опубликованных материалах итоги разведочных маршрутов, как и исследований могильника Шамси, как будто не упоминаются, что позволяет предположить нереализованность Программы в этой части.

Тем не менее, А.Н. Бернштам считал, что работами 1940 г. археологические разведки в Северном Кыргызстане были завершены, о чем он доложил первоначально 18 декабря 1940 г. на заседании Сектора Средней Азии ИИМК (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 58-59**). Позже этот тезис будет многократно повторен в различных заседаниях и публикациях.

Реализация программы 1940 года, даже частичная, в купе с полученными ранее материалами позволила предложить план коллективной монографии, о которой шла речь в вышеприведенном пункте из договора на 1940 год. Правда, она озаглавлена уже "Археология Северного Притяньшанья/Труды археологических экспедиций Комитета Наук и Института Истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в Киргизии". Распределение разделов монографии между авторами,

по нашему мнению, дает определенное представление о распределении обязанностей внутри археологических экспедиционных отрядов в предвоенные годы. Так, описание отдельных объектов, на которых производились раскопки, поручено Щербакову (Гл. III. "Памятники эпохи бронзы II тыс. до н.э./с. Кагановичи, Нарын, Иссыккуль"), Бенедиктову (Гл. VIII. "Городище древнего Сарыга (с. Красная речка)", § 2. "Согдийские замки. Раскопы I, VII, VIII"), Розиной и Агеевой (Гл. VIII, § 3. "Саманидские постройки. Раскоп IV, VI, VIII", § 4. "Стратиграфический раскоп IV. Караханидское здание XI в (раскопы V и VIII)", § 5. "Кладбища Сарыга"), Розиной (Гл. IX. "Городища древнего Баласагуна (Акпешин)". §2. "Дворцовая постройка XII в.", § 3. "Буддийский храм"), а историко-археологический очерк, историография вопроса и обобщения итогов закреплены за А.Н. Бернштамом (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 81**). Исходя из этого мы полагаем, что А.Н. Бернштам осуществлял общее руководство археологическим изучением, определял его направления, выбирал объекты исследования, а непосредственные раскопочные работы проводились под руководством привлекаемого им персонала.

Монография не была издана – по всей видимости, этому помешала война. Позднее, в 1950 г., отдельные намечавшиеся параграфы, с некоторыми весьма существенными изменениями названий, были включены в том МИА о Чуйской долине (**Чуйская долина, 1950: 22-57**).

В марте 1941 г. состоялась конференция историков Кыргызстана (**Бернштам, 1946: 177**), а в конце апреля – Пленум Комитета Наук, на которых, среди прочих вопросов, были подведены итоги археологических изысканий 1938-1940 гг. С развернутым докладом "Итоги и перспективы археологических исследований в Киргизии" на Пленуме выступил А.Н. Бернштам. В рассматриваемом в настоящей статье ракурсе наиболее интересна его 5 часть – "Перспективы": "*Археологические экспедиции ... провели первый этап исследования Северной Киргизии и тем самым поставили целый ряд вопросов научно-организационного порядка, ... Таковыми вопросами являются: а) кадры, б) экспедиционная работа, в) музейное строительство, г) издания, д) создание комитета по охране памятников старины*". Для решения первого из них предлагалось с одной стороны "*принять меры к закреплению на работе в Киргизии оканчивающих в 1942 году студентов археологического отделения исторического факультета ЛГУ, работающих по тематике Киргизии*", а с другой – "*организовать подготовку местных кадров, особенно из киргизской учащейся молодежи, путем организации спецкурсов по археологии при кафедре истории Киргединститута и путем командировок молодых работников для повышения квалификации в центральные учреждения (аспирантура ИИМК, практика в Эрмитаже)*". Развитие экспедиционных работ, по мысли А.Н. Бернштама, предполагало осуществление в 1941 г. экспедиции археологического надзора при строительстве БЧК и раскопки на Ак-Бешиме, с тем, чтобы в 1942 г. развернуть изучение Тянь-Шаня "*и особенно Южной Киргизии*". Также в "Перспективах" предлагалось "*в целях популяризации результатов археологических исследований Киргизии ...предусмотреть в 1942 году созыв историко-археологического совещания по истории Киргизии с приглашением научных работников из других городов, занимающихся вопросами истории и археологии Средней Азии, в том числе Киргизии*". И еще ряд предложений А.Н. Бернштама хотелось бы выделить: "*В 1941 году следует создать "Комитет по охране памятников старины" и выделить в связи с этим соответственные вопросы из ведения Комитета Наук*", "*создать, в первую очередь в южной Киргизии, археологические пункты*" и "*утвердить форму открытого листа на*

**ИССЛЕДОВАНИЕ, УЧЕТ И ОХРАНА ДРЕВНОСТЕЙ
КЫРГЫЗСТАНА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ
(организационный аспект)**

производство раскопок и следить за исполнением его требований" (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 76, Л. 8-10, 19-21). По этому докладу был подготовлен проект Резолюции, в котором нашли отражения практически все предложения А.Н. Бернштама (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 73-77).

В середине апреля, 17, был подписан Договор на проведение археологических работ в 1941 г. Примечательно, что начало работ им предусматривалось с 10 апреля, т.е. их юридическое оформление было осуществлено "вдогонку" фактическим работам. Окончание исследований планировалось на 15 июля. Договор предусматривал организацию экспедиции *"археологического надзора на строительстве БЧК и по продолжению раскопок древнего города Баласагуна"*. Помимо ставших традиционными обязательств сторон – финансирования работ кыргызстанской стороной в размере 25 000 рублей и командирования специалистов – А.Н. Бернштама, Л.Г. Розиной, И.В. Щербакова – со стороны ИИМК, как и прочих обязательств, договор содержал одно изменение: *"8) Подлинные документы экспедиции поступают в Комитет Наук. Комитет Наук выдает Институту все необходимые материалы для подготовки полного научного отчета"*. Иными словами, кыргызстанская сторона "дозрела" не только до осознания необходимости наличия полученных артефактов, но и до обладания всей документацией по выполненным работам, что свидетельствует о росте уровня местных кадров.

Договор был подписан от Кыргызстана Заведующим историческим отделом Н.Д. Черкасовым и утвержден Зам.Председателя Комитета Наук К.И. Малышевым (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 80).

О системе организации археологического надзора при строительстве БЧК писалось достаточно много, в том числе и их руководителем (*Чуйская долина, 1950*). Напомним лишь, что осуществлялся он в течение 40 дней, а его обеспечивало 25 научных сотрудников из Комитета Наук и его подведомственных организаций – Исторического отдела Комитета, Института истории, языка, литературы и Книжной палаты, а также Отдела гос. архивов НКВД Киргизии, ИИМК'а, Истфака ЛГУ (Бернштам, 1946: 176).

По окончании надзора А.Н. Бернштам обосновывает необходимость командировки в Южный Кыргызстан как подготовительного этапа к разведочной экспедиции 1942 года. В качестве помощников он предлагает кандидатуры И.К. Бенедиктова и С.С. Сорокина. В "Плане научной командировки в Южную Киргизию" есть весьма любопытные строки, характеризующие произошедшие изменения: *"К концу пребывания отряда в Южной Киргизии – между 25 и 30 июня, приезжает археологическая экспедиция Киргпединститута, которой отряд оказывает необходимую консультацию"* (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 124-125).

Получив 16 июня Командировочное удостоверение, 19 А.Н. Бернштам (со спутниками -?) был в Оше, а 21 – в Узгене и Джалал-Абаде (Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74, Л. 102).

22 июня 1941 г. началась война. Естественно, что в связи с этим дальнейшие работы были прерваны. В археологических изысканиях наступил двухлетний перерыв, разделивший первую и вторую части "бернштамовского" периода археологического изучения Кыргызстана.

Подводя итоги вышесказанному необходимо подчеркнуть огромное внимание руководства Кыргызстана того времени, к изучению и сохранению древностей. Достаточно заметить, что первые договоры на археологические исследования подписывались Ученым секретарем Комитета наук, т.е. вторым–третьим человеком

в организации министерского уровня. Более того—они заверялись вторым человеком Правительства. В 1940-1941 гг. уровень подписания документов стал более адекватным—Заведующий Исторического отдела Комитета Наук с утверждением заместителем председателя Комитета.

Другим завоеванием рассмотренного времени стало сложение традиции планомерного археологического исследования Кыргызстана. Для этого были созданы необходимые организационные структуры и осуществлялось достаточное прямое бюджетное финансирование. На повестку дня ставился вопрос расширения сети учреждений с исследовательской и охранной функциями. Вероятно, в 1940-х гг. вместо одного отряда А.Н. Бернштама, работало бы несколько отрядов. Активно решался кадровый вопрос: был привлечен к работе археолог Чекалинский; ряд студентов-археологов ЛГУ специализировался по Кыргызстану и с 1942 г. некоторые из них наверняка бы пополнили штат научных учреждений Кыргызстана; в 1942 г. кафедру археологии историко-филологического факультета Среднеазиатского университета заканчивал П.Н. Кожемяко, который, возвратясь в Кыргызстан, непременно работал бы по специальности.

Несомненные достижения изменили отношение центральных научных учреждений СССР к древностям Кыргызстана. Это выразилось как, к примеру, в резолюции заседания Сектора Средней Азии ИИМК, настойчиво рекомендовавшей продолжить стационарное исследование Ак-Бешима с его "киданьской" культурой (**Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79, Л. 58-59**), так и в увеличении длительности работ и смещении их сроков на летнее время. Однако Война внесла свои коррективы, приостановив развитие одних тенденций и безвозвратно оборвав другие.

Архивные и рукописные документы

Выписки из протоколов СНК Кирг.ССР и решения СНК Кирг.ССР за 1937 г. (об организации комитета наук, книжной палаты). – Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 387

Документальные материалы об организации и проведению работ по выявлению, учету и охране памятников культуры и старины на территории Киргизии за период с 1932 по 1941 год. – Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 74

Итоги и перспективы археологических исследований в Киргизии за период с 1936 по 1941 годы. – Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 76

Материалы по организации, проведению и итогам археологической экспедиции Комитета Наук и Института материальной культуры имени Марра (Ленинград). 1938-1941 гг. – Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 79

Охрана памятников старины и результаты их обследования. 1930 г. – РФ ЦМХК НАН КР, инв. № 107. – 46 Л.

Переписка по научным вопросам с АН СССР и ее структурами. 1937-1942 гг. – Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 395

Положение и планы работ Комитета Наук при СНК Кирг.ССР за 1937-41 гг. – Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 391

Положение Исторического отдела, тематические и издательский планы на 1939-1941 гг. – Архив НАН КР, Ф. 4, Оп. 1, Д. 81

**ИССЛЕДОВАНИЕ, УЧЕТ И ОХРАНА ДРЕВНОСТЕЙ
КЫРГЫЗСТАНА В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ
(организационный аспект)**

ЛИТЕРАТУРА

- БЕРНШТАМ А.Н. (1946), **Историческая наука в Киргизии за 20 лет // Наука в Киргизии за 20 лет. 1926-1946.** – Фрунзе.
- ЗИММА Б.М. (1948), **Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии // ТИЯЛИ КирФАН СССР, Вып. 2.** – Фрунзе.
- ИЛЬЯСОВ С. (1945), **История, археология и этнография Киргизии в трудах русских ученых // ИКирФАН СССР, Вып. 2-3.** – Фрунзе.
- КОЛЬЧЕНКО В.А. (2002), **Археологические исследования в Кыргызстане в 1928-1930 гг. (работы М.П. Грязнова, М.В. Воеводского, А.И. Тереножкина и Палеоэтнологической экспедиции ГАИМК) // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы МК. Кн. 1.** – СПб.
- КОЛЬЧЕНКО В.А. (2003), **Об одном документе конца 1920-х годов (к истории становления Исторического музея в Кыргызстане) // Музей новой формации: традиции и новации. Материалы Н-ПК, 11-12 декабря 2003.** – Бишкек.
- Чуйская долина. (1950), **Труды Семиреченской археологической экспедиции. (Т. 2) / МИА № 14.** – М.-Л.